

«Пресса России» — 70149
«Почта России» — 12278
«Пресса Рид» — 70149

В ближайших номерах:

Превратности «орванной дружбы»
Пушкин и баратынский

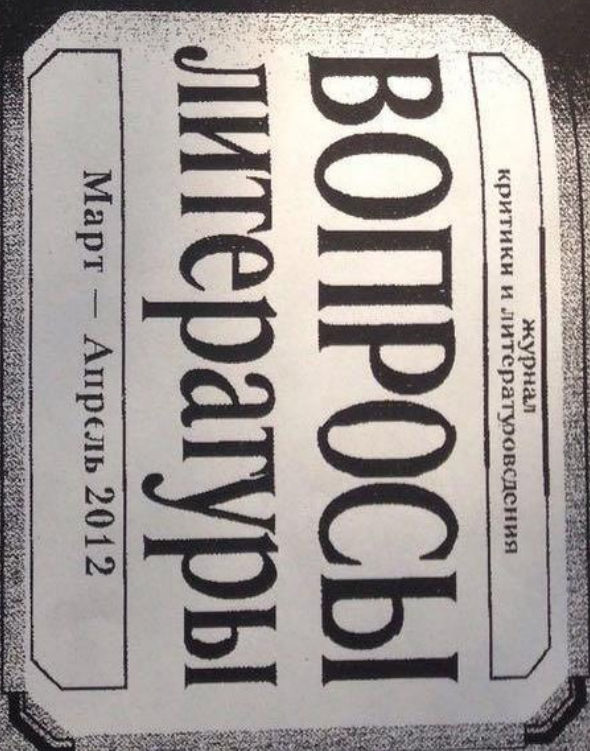
Уроки одзесской школы
и гребни одзесской волны

Танцующий динозавр:
К.С. Льюис как историк литературы

Василий Аксёв и его поколение
в романе «[ам]твенная страсть»

ISSN 0042-8795 «Вопросы литературы», 2012, № 2, 1-512

8917 WOP-
журналу 55 лет
1957-2012

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Март — Апрель 2012

В НОМЕРЕ:

Формальности в литературной критике

Сиды: элита на литературном посту,
или когда «ступни ног» в к лицу»

«Что выбрать примером?»: кто мне учитель?»
Мина Берберова и Симона-де-Бовуар

Тенденции и интенции
отечественного шекспироведения

Беседа с А. Калыкбаевым

МОСКВА

И. Д. Попова. Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.

И. Попова рассматривает «бахтинский мир» с чисто филологической точки зрения, занимаясь прежде всего источниками и историей создания одной из самых обсуждаемых книг русского философа — «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965).

Работа Поповой разделена на три главы: «История идей сквозь призму истории текста: книга М. М. Бахтина о Рабле в 1930—1960-е годы», «Основные термины "Рабле": генезис и значение», «Смеховая культура: неуточненные аспекты концепции М. М. Бахтина». Она включает также переиздание приложений, содержащихся в первом и втором выпусках четвертого тома собрания сочинений Бахтина, где впервые была напечатана первая редакция книги 1940 года с соответствующими ей отсылками, перепишкой и «материалами к защите диссертации».

В первой главе прежде всего важен опыт прояснения замысла и источников текста. Несомненным достоинством является то, что Попова уделяет особое внимание историко-культурному контексту работы Бахтина, показывая ее связь с проблематикой изучения языка автора «Гаргантюа» во Франции и Германии 1910-х и 1920-х годов, в частности, в школе французского исследователя Абеля Лефрана, основателя «*Société des études garbaisiennes*», и немецкого филолога Карла Фосслера. Контекст франко-немецкого спора, то есть спора между лефранговским историко-филологическим и фосслеровским эстетическим методами, позволяет понять значение «Рабле» Бахтина. Его подход ближе к Фосслеру, хотя, согласно автору рецензируемой книги, идеи Фосслера и Шпитцера нельзя считать «*источниками*» книги Бахтина², а их нужно исследовать «как *диагностирующий фон* книги» (с. 21), ибо интерес к трудам школы Фосслера «был последовательным, начиная с "Маркисама и философии языка", где анализируются воззрения школы Фосслера "на проблему выказывания"» (с. 15, 16, 21). Нужно лишь уточнить, что интерес к лингвистическим проблемам вообще и, вероятно, к фосслеризанству возник у Бахтина уже в статье «Проблема формы, содержания и матриала в словесном искусственном творчестве» (1924)¹.

Во второй главе дается аналитический обзор ключевых (и спорных) идей в концепции Бахтина: «менишпировой сатиры», «карнавала» и «готического (протекского) реализма». Автор проясняет

тельно исследует их происхождение и значение для немецкой филологии 1920—1930-х годов (Р. Хельм, Г. Райх, Р. Гирцель, Ф. Ранг, Л. Шпитцер). Тот же самый принцип действует в третьей — и последней — главе, где продолжается поиск источников в европейском литературном контексте и следуют ссылки на Г. Райха, Ф. Ницше, Шпитцера и его понятие «*Soc-à-l'âne*», философию Ф. Бертона, идию смеха и смеховой культуры в статье Вяч. Иванова «"Ревизор" Гоголя и комедия Аристофана» (1926)².

Однако параллель с этими бесспорными выводами некоторые положения книги И. Поповой нуждаются в уточнениях и существенных дополнениях. В первую очередь это относится к выведению возникновений и смысла двух важнейших понятий, обычно связываемых с именем Бахтина, — «карнавала» и «карнавальности» (в том числе идеи «смеховой культуры») и «жестокости и пролития крови».

По мнению исследователевницы, «в пользу того, что концепция "Рабле" формировалась на рубеже 1920—1930-х годов», свидетельствует книга Е. Ланна «Литературная мистификация» (1930), в которой автор, предположительно косвенно знакомый с идеями Бахтина, уже говорит о *карнавальной природе*, позднее изложенной в книге о Рабле. В приведенном Поповой наброске <Идея карнавала> (1938—1939) ключевые слова «карнавальный момент», «карнавальная утопия» и «карнавальная драка» убедительно доказывают, что общая идея «карнавала» к тому времени занимала центральное место в круге интересов Бахтина. Среди многочисленных источников, найденных Поповой и отраженных в редакции 1940 года в качестве прямых цитат, ссылок и аллюзий, находится работа Ж. Лота «*La vie et l'esprit de François Rabelais*» (Paris, 1938), на которую («в случае вторичного использования источников, которыми оперирует Лот», с. 47) Бахтин часто не ссылался.

На наш взгляд, для выяснения смысла указанных понятий предпочтительнее обратиться к более раннему и более существенному плану, определяющему становление Бахтина-теоретика, — к символистской традиции, связанной, главным образом, с именем Вячеслава Иванова. Его идеи «трагического» и «комического», сформулированные в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911) и в цитируемой Поповой статье «"Ревизор" Гоголя и комедия Аристофана» (1926), оказали влияние не только на Бахтина, но и на весь Невельский философский кружок. На ивановский символизм опирается М. Каган, когда говорил о «трагическом не-

¹ Николаев Н. И. Комментарии // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 735, 736.

² См. об этом также: Николаев Н. И. Комментарии // Пумлянский Л. В. Княжеская традиция. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 711.

доумения» в статье «О Пушкинских поэмах» (1937)³, и Л. Пумпянский практически во всем своем творчестве.

Еще в 1991 году (и потом в 2000-м) Н. Николаев заметил по поводу Пумпянского, что в его книге о Юголе содержится «первая в истории Невельской школы оригинальная философская смеха, вторая была создана в 1930-е гг. М. Бахтиным в его книге о Рабле»⁴. Бахтин хорошо знал эту книгу, ибо о ней он говорил в сентябре 1972 года. «Когда рекомендовал своим собеседникам обратиться к архиву Л. В. П. [Льва Васильевича Пумпянского] и отыскать там книгу о Юголе»⁵. Речь идет о малоизвестной незавершенной работе Пумпянского, впервые и частично изданной в 1984 и 1986 годах и поглотившей в 2000-м⁶. Начиная с ее третьего раздела неизменно повторяются как главные такие понятия, как «комический эпос», «карнавал», «смех», «эпичность», «эпос» («исторический» и «рыцарский»), то есть те самые термины, которые мы найдем и в «Рабле» Бахтина.

По поводу «жестокости и пролития крови», Попова приво/лит слова Бахтина о «жестокости» и «пролития крови» как «конститутивным моменте силы и жизни», о потенциальном преступлении «всякой самоутверждающейся жизни» <...> обреченной на рождение и смерть, как о ее «глубинной трагедии», — о «нальторидическом преступлении», лежащем в основе смены поколений, о мальчишеском похищении и умерщвлении прошлого и старческой враждебности будущему» (с. 13). Дальше она справедливо утверждает, что «анагизм трагедий Шекспира, особенно линия Софокл — Шекспир — Достоевский, выстроенная с точки зрения эволюции преступлений, а в жанровом отношении — с точки зрения эволюции

трагедии и перехода трагического в романное, — позволяет предположить, что Бахтин намревался дополнить книгу о Рабле исследованием *преступления и насилия* как составляющих моменты» (с. 14). Наряду с разобранными в «Рабле» «карнавальным моментом» (с. 14). Но к сожалению, она не связывается на те работы, с которыми философ соф опять же был знаком, но которые не цитирует. Речь снова идет о невеликих работах Пумпянского, посвященных Достоевскому.

В докладе «Достоевский и античность», прочитанном в Вольной Философской Ассоциации (Вольфила) 2 октября 1921 года⁷, Пумпянский с преческой трагедией⁸. Этих черт, по его мнению, Достоевский с преческой кровью и «суд»: «Достоевский последний призвал Музу вымыслов, и несл он то же, что аттические его предки, — пролитие крови и суд. Только пролил кровь не сын, а лакей, незаконный сын...»⁹ Лиция Софокл — Шекспир — Достоевский, о которой пишет Попова, повторяется с некоторыми отличиями и у Пумпянского¹⁰, который добавляет слова Эсхила и признает изоморфность романов Достоевского «гамлетизму».

Книга Поповой представляет собой фундаментальный комментарий к четвертому тому собрания сочинений Бахтина. Она дает блестящую картину изучения Рабле в европейском контексте и широкий, наглядный обзор европейских истоков книги Бахтина. Жаль, что при реконструкции этого контекста в качестве важной его составляющей не был учтен вклад Невельской школы философов 1919—1920 годов.

Джузеппина ЛАРОККА

³ Каган М. И. О Пушкинских поэмах // В мире Пушкина. М.: Советский писатель, 1974. См.: Николаев Н. И. М. М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник / Под ред. В. Л. Махлина. Вып. 5. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 259. О символистском наследии Невельской школы философии см. подробнее на страницах 258—268.

⁴ Николаев Н. И. Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский) в 1918—1925 гг.: По материалам архива Л. Пумпянского // М. М. Бахтин и философия культуры XX века. Проблемы бахтинологии. Вып. 1. Ч. 2. СПб.: Обозрение, 1991. С. 35. См. также: Николаев Н. И. Комментарии // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 711.

⁵ Николаев Н. И. Комментарии // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 709, 710.

⁶ Пумпянский Л. В. Гоголь // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 664 (Тарту, 1984). С. 125—137; Пумпянский Л. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. О «Записках еумасце/шето» Н. Гоголя // Преподание литературного чтения в эстонской школе. Методические разработки. Таллин: Педагогический институт имени Э. Вильде, 1986; Пумпянский Л. В. Гоголь // Пумпянский Л. В. Классическая традиция.

⁷ Николаев Н. И. Комментарии // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 744; Белюс В. Г. Вольфила. В 2 т. Кн. 1. СПб.: Мир, 2005. С. 505. Белюс переиздает очерк Пумпянского и его комментирует на основе приговора Н. Николаева.

⁸ Нужно уточнить, что все невеликие доклады о Достоевском, а также «Достоевский и античность», полегаямывают с трагическим принципом, введенным Вяч. Ивановым в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911). В отличие от Вяч. Иванова Пумпянский считает, что Достоевский не трагический поэт, а наоборот, скорее, комический: «Замечательно, что Достоевский был необходимым одадар как комический поэт». См.: Пумпянский Л. В. Достоевский и античность // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 519. См. также: Николаев Н. И. Комментарии // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 752—753.

⁹ Там же. С. 508.

¹⁰ О Достоевском у Пумпянского и Бахтина см.: Николаев Н. И. «Достоевский и античность» как тема Пумпянского и Бахтина (1922—1963) // Вопросы литературы. 1996. № 3.